

О.Б. Степанова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: stepanova67@mail.ru

СЕВЕРОСЕЛЬКУПСКИЕ СОВХОЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Исследование посвящено рассмотрению социальной (градообразующей) функции североселькупских совхозов. Для селькупов она выражалась в возможности трудоустройства в традиционной хозяйственной сфере и пользовании «совхозной» инфраструктурой поселков. Упадок совхозов, затруднивший исполнение ими градообразующей роли, обернулся для населения тяжелым социальным кризисом. Градообразующая роль селькупских совхозов формировалась вместе с самими совхозами и основывалась на трансформации традиционного хозяйственного уклада.

Ключевые слова: северные селькупы, традиционная хозяйственная деятельность, совхозы, поселки, социальная роль совхозов, социальная политика государства, экономический кризис.

В статье проводится анализ изменений основных компонентов традиционного хозяйства северных селькупов, начало которым было положено в середине XX века. Исконный хозяйственный уклад трансформировался в совхозы и поселки, созданные для селькупов советским государством и превращенные в часть государственной экономики. В работе прослеживается динамика изменений этих форм на разных этапах истории и оценивается политика государства в отношении коренных народов Севера. В фокусе исследования находится социальная функция селькупских совхозов, определяемая термином «градообразующие предприятия», поскольку долгие годы совхозы в одиночку обеспечивали занятость селькупского населения и воздействовали на его социальные проблемы и поселковую инфраструктуру. Социальная/градообразующая функция совхозов — по мнению автора, основная, но при этом она неразрывно связана с их экономической/хозяйственной функцией. То есть селькупские совхозы рассматриваются как созданные государством в рамках политики по поддержке северных народов предприятия, основанные на хозяйственной традиции и выступающие гарантом социального благополучия. Изучение комплекса социальных и экономических функций селькупских совхозов приобретает особую актуальность в современных условиях глобализации, промышленного освоения Севера и тенденции возрождения этнических культур. Выбранная тематика встраивает исследование в общественный дискурс о будущем северных народов, способах сохранения ими традиционной культуры, путях формирования у коренных северян новой этничности [Мартынова, 2019], что определяет его практическое значение. Исследование выполнено в русле фундаментальной науки: оно добавляет в глобальный этнографический архив новые сведения о традиционной культуре одного из народов. Одновременно оно включено в широкий социально-политический контекст и выходит за границы тематической сферы традиционной этнографии, что делает его также социокультурным исследованием [Marcus, 1986; Rabinow et al., 2008].

Градообразующая роль североселькупских совхозов, как и сами североселькупские совхозы, до сих пор не становилась объектом специального исследования, в изучении данной темы автору приходилось поднимать целину. К исследованию привлекались труды Е.Д. Прокофьевой [1956], А.М. Решетова [1995], Е.А. Алексеенко, Р.Ф. Итса [2005], А.В. Головнева [1993], А.В. Головнева, Н.А. Тучковой [2005], О.Б. Степановой [2005, 2009, 2016, 2017, 2018а, 2018б], посвященные традиционному хозяйству северных селькупов и содержащие отрывочные сведения о селькупской совхозной экономике, а также работы Е.П. Мартыновой [2019], В.Н. Адаева [2017], В.Н. Адаева, Е.П. Мартыновой, Н.И. Новиковой [2019] и других авторов, освещающие проблемы современного экономического положения народов Севера.

В основу исследования легли материалы Красноселькупского муниципального архива. Проводился анализ отчетности совхоза «Полярный» за период с 1974 по 2000 г., совхоза «Толькинский» — с 1970 по 2004 г., отчета Красноселькупского сельсовета за 1978 г. и сводного отчета о работе пяти колхозов района за период 1951–1961 гг. Некоторые сведения были по-

черпнуты из отчета Красноселькупской нефтегазоразведочной экспедиции за 1979 г., хранящегося в Красноселькупском краеведческом музее. В исследовании использовались также материалы бесед с жителями Красноселькупского района из полевого архива автора.

Проблема градообразующей роли селькупских совхозов рассматривается в статье на примере одного сельхозпредприятия — совхоза «Полярный», принадлежащего с. Красноселькуп. Результаты работы, проведенной с документацией совхоза «Толькинский», расположенного в с. Толька, в статье не приводятся, но, совпадая с результатами по совхозу «Полярный», подтверждают сделанные выводы и позволяют распространить их на селькупские совхозы в целом.

Главными методами исследования были исторический метод и метод анализа архивных материалов. Помимо этого использовались методы полевого исследования, такие как включенное наблюдение и интервьюирование информантов. В статье реализуется нестандартный для классической этнографии подход: сугубо этнографические вопросы рассматриваются в тесной связи с проблемами, относящимися к сфере изучения других наук — социологии, экономики, политологии, сочетается изучение традиционных и современных явлений.

Первые хозяйственные объединения у селькупов начали формироваться в ранние годы советской власти, когда Советское государство, взяв курс на поддержку коренных народов Севера, увеличило количество факторий — торгово-заготовительных пунктов в отдаленных промышленных районах. На факториях селькупы создавали свои общества потребителей — кооперативные товарищества, что давало им возможность получить по ссуде или в кредит завезенные на факторию товары фабричного производства. Бедняцким и середняцким хозяйствам — членам кооперативов выдавались ссуды оленями, а также оленьими шурами. Возвращать кредит можно было пушниной, рыбой и мясом; нередко выдаваемые ссуды были безвозвратными. Советская торговля установила высокие цены на пушнину и низкие — на продукты и мануфактуру. В 1927 г. был организован Интегралсоюз — кооперативная организация смешанного типа, сочетавшая на Севере потребительско-снабженческую и промышленную деятельность. Первичные потребительские общества стали принимать вид кооперативов, соединявших торгово-закупочные и кредитные функции с производственной деятельностью. Фактории превратились в базу коллективизации, при них создавались простейшие объединения по совместному пользованию угодьями, орудиями труда, добыче рыбы и выпасу оленей. С каждым годом число хозяйств, охваченных коллективизацией, увеличивалось, мелкие товарищества и артели объединялись в колхозы, которые тоже укрупнялись, усложняя организационную структуру.

Фактории дали жизнь постоянным поселкам, которые до того у селькупов отсутствовали. В начале своего существования поселки состояли из нескольких построек, назначение которых определялось торгово-заготовительной функцией факторий, наличием органа местной власти и школы. На периферии поселков периодически появлялись чумы кочевого населения, приезжавшего в поселок по делам. Вот как описывал факторию Янов Стан в верховьях Турухана Г.Н. Прокофьев — этнограф из Ленинграда, преподаватель первой национальной школы «Тазовской тундры»: «Невелик был в 1925 г. Янов Стан: на угоре, над рекой четыре бревенчатых сруба. Постройки еще царского времени: фактория, склад, Тазовский РИК; в четвертом доме, видимо, раньше тоже были склады. В 1924 г. там помещалась школа. По стенам были прибиты нары, посередине стояли скамьи и стол. В этом помещении ученики спали, ели и занимались. Рядом была клетушка для учителя. Коренное население в поселке постоянно не жило. Наезжали в магазин потребительского общества сдавать пушнину и закупать товары. Селькупы стояли чумами неподалеку от поселка в лесу... <...> В 1926 г. закончилось строительство нового школьного здания. Была закончена и квартира учителя, настоящая квартира: с голландскими печами, с окнами, как полагается в сибирских домах, где для защиты от морозов стоят не двойные, а тройные застекленные рамы» [Гаген-Торн, 1992, с. 94, 105].

Коллективизация активизировала рост селькупских поселков. К началу 1940-х гг., к моменту завершения коллективизации, в обязательный набор построек поселков входили склады и магазин, принадлежащие фактории, помещение для органа местной власти (кочсовета и тузрика), школа-интернат, фельдшерско-акушерский пункт, баня, клуб, пекарня, почта, радиостанция, метеостанция, отделение сберкассы, общежитие для приезжих («заезжая»), несколько жилых домов для постоянно проживающих в поселке служащих, а также, в обязательном порядке, усадьба колхоза: колхозная контора, звероферма, рыбучасток с засольной, ледником и мастерской по изготовлению бочек, кузница и конюшня.

Североселькупские совхозы как инструмент социальной политики государства

Известны следующие селькупские фактории 1920–1930-х гг.: Янов Стан, Кэт-пар, Фарково, Верхняя Баиха — на Турухане и его притоках, Сидоровск, Нярый Мач, Церковенское, Часелька, Толька, Кикки-Акки, Ратта, Пюльлокай Мач, Матылька — на Тазу, селькупы также выходили на фактории, расположенные в селах Артюгино на притоке Енисея и Ларьяк на Вахе. Впоследствии официальный статус поселков получили фактории Сидоровск, Красноселькупск (бывший Нярый Мач), Толька, Ратта, Кикки-Акки и Фарково¹.

Через организации, действовавшие в поселках, государство оказывало местному населению социальную помощь. Колхозы должны были обеспечивать селькупов работой, в основу колхозной деятельности легли отрасли традиционной селькупской экономики. Социальная значимость довлекла в работе колхозов над хозяйственной целесообразностью: колхозы были нерентабельны и получали серьезную материальную поддержку государства. Других хозяйственных предприятий в селькупских поселках не имелось. Однако в течение большей части колхозного периода полноценная градообразующая роль у колхозов отсутствовала: колхозы не строили и не содержали поселки, население оставалось кочевым и жильем в поселках не владело. Селькупские хозяйственные предприятия того времени имели одностороннюю социальную направленность, градообразующими, т.е. не только дающими работу, но и содержащими поселок, они не являлись.

Толчок формированию градообразующей функции хозяйственных предприятий поселков дало постановление Совета Министров СССР «О мерах помощи в переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения колхозов в районах Крайнего Севера Тюменской области» от 11 декабря 1950 г. Формально с этого момента, а фактически ближе к концу 1950-х гг. в поселках началось строительство домов для селькупов.

Первые дома строились для селькупов-колхозников не безвозмездно. По данным Е.Д. Прокофьевой, каждому хозяйству, переходящему на оседлость, предоставлялся государством кредит в сумме 15 тыс. руб. Половина этой суммы выдавалась как безвозвратная ссуда, другая половина выплачивалась колхозником в течение 15 лет, кроме того колхозникам бесплатно предоставлялся строительный лес. «Для строительства домов в поселках не хватало рабочих рук. Местное население плотницкой специальностью не владело. Плотников вербовали в Туруханске» [Прокофьева, 1956, с. 684].

Формирование градообразующей роли сельхозпредприятий началось в колхозный период, однако набрала силу и расцвела градообразующая традиция уже в совхозах, пришедших на смену колхозам. Осенью 1961 г. колхозы Красноселькупского района объединились в два совхоза — «Полярный» с усадьбой в п. Красноселькуп и участком в п. Сидоровск и «Толькинский» с усадьбой в п. Толька и участками в поселках Кикки-Акки и Ратта. У баихинских селькупов колхоз «им. Смидовича» был преобразован в госпромхоз «Северотуруханский», а позже в совхоз «Тунгусский».

По сведениям А.М. Решетова, в совхозе «Полярный» в 1962 г. 46 семей уже жили в индивидуальных домах, 41 семья — в квартирах совхоза и 77 семей еще кочевали. «Селькупы оседали с удовольствием и даже требовали для себя дома, но жили в них преимущественно сезонно» [Решетов, 1995, с. 199]. В с. Ратта на 1 января 1961 г. по ссудам было построено 18 домов, 53 семьи продолжали вести кочевой образ жизни [Алексеенко, Итс, 2005, с. 255]. Дома представляли собой одноквартирные срубы размером не более чем 6×7 м с сенями. В 2004 г., во время первой экспедиции автора к селькупам, в с. Красноселькуп домов, построенных по указу 1950 г., уже не было, но с. Ратта еще на две трети состояло из таких домов, сносить их начали лишь в 2008 г.

Согласно архивным документам, с 1970 г. как минимум совхозы «Полярный» и «Толькинский» строили дома своим работникам на безвозмездной основе, имелся план такого строительства, сопряженный с планом перевода кочевых семей на оседлость, по тому и другому плану совхозы строго отчитывались перед государством. Дома, которые строились совхозами в

¹ Политика открытия торгово-закупочных пунктов в местах удаленного проживания сибирских инородцев проводилась еще в царской России. В 1822 г. Александром I были учреждены казенные хлебозапасные магазины, в которых кочевое население могло покупать и обменивать на пушнину фабричные товары. Первые фактории появились в конце XIX — начале XX в., они принадлежали частным предпринимателям или простейшим кооперативным обществам. В местах проживания северных селькупов торгово-закупочные пункты дореволюционного времени располагались в селах Туруханск и Верхне-Инбатское на Енисее, в с. Ларьяк на Вахе, в местечках Халмер-Седэ и Пристани Сидоровской на Тазу, а также в Яновом Стане на Турухане.

1970–1980-е гг., были намного крупнее и добротнее срубов 1950–1960-х гг. В с. Красноселькуп при возведении нового жилья приоритет отдавался домам на две, четыре и восемь квартир. Например, в 2000 г., когда совхоз «Полярный» прекратил свою деятельность, незавершенными оставались три двухквартирных и два четырехквартирных дома.

Количество семей, владеющих домами в поселках, неуклонно увеличивалось, и уже к началу 1990-х «бездомных» селькупов практически не осталось (табл. 1). По данным отчета «Полярного» за 1993 г., последнего, содержащего сведения о переводе кочевых жителей на оседлость, не осевшими из всего числа работников совхоза оставалось всего 8 чел. — 2 селькупские семьи. Однако это не означает, что с кочевым образом жизни было покончено. У селькупов, работающих в совхозе, кочевой характер жизни сохранялся, поскольку совхоз был ориентирован на традиционные виды деятельности. Имея жилье в поселке, селькупы использовали его, как им было удобно, например, поселяли в квартирах на зиму стариков или жен и детей, а сами бывали в поселке наездами.

Таблица 1

Численность представителей коренных малочисленных народов Севера, связанных с совхозом «Полярный», их перевод на оседлость и занятость в традиционных секторах совхозного хозяйства

Table 1

The number of representatives of the indigenous peoples of the North associated with the state farm «Polyarny», their transfer to sedentary and employment in traditional sectors of the state farm

	Хоз./чел./трудосп.	Из них кочевые или оседл., хоз./чел.	Из них имеют дома в поселке, хоз./чел.	Переведено на оседл.	Занято в оленевод., чел./бриг.	Занято в зверовод., чел./бриг.	Занято в охоте, чел./бриг.	Занято в рыболовстве, чел./бриг.
1974	84	16 коч.	9		34/4	24/1	14/1	26/1
1975	85	16 коч.	6		33/4	22/1	15/1	27/1
1976	85	16 коч.	5		26/4	14/1	16/1	23/1
1977	84	17/48 коч.			15 хоз./36 чел.			52 хоз./107 чел. рыбаков-охотников
1978	84	17/48 коч.			15 хоз./36 чел.			52 хоз./107 чел. рыбаков-охотников
1979	87	7 коч.	5		32/4	12/1	4/1	22/6
1980								
1981	90	35 коч.			30/4	13/1	2	29/6
1982	84	30 коч.			21/4	12/1	—	13/2
1983	107	29 коч.			25/5	13/1	—	28/4
1984	75/273/125	51/200 оседл.	51/200		38/5	12/1	6/1	25/4
1985	75/273/107	19/70 коч.. 47/171 оседл.	47/171	4/14	38/5	12/1	6/1	25/4
1986	76/302/142	17/64 коч. 58/232 оседл.	58/232	2/5	41/5	13/1	10/1	13/4
1987	92/262/147	16/63 коч. 70/196 оседл.	70/186	7/33	38/5	9/1	24/1	18/5
1988	80/230/138	14/40 коч. 61/166 оседл.	61/166	5/15	38/5	10/1	8/1	16/4
1989	84/240/150	9/40 коч. 75/200 оседл.	75/200	5/13	46/5	13/1	5/1	36/1
1990	88/266/146	10/24 коч. 78/242 оседл.	72/210	6/32	49/5	14/1	8/1	31/4
1991	88/266/146	10/24 коч. 78/242 оседл.	72/210	6/32	46/5	14/1	10/1	32/4
1992	92/281/146	10/24 коч. 82/257 оседл.	82/257	6/21	46/4	14/1	10/1	32/4
1993	41/144/58	2/8 коч. 41/144 оседл.			32/4	14/1	10/1	27/2

Помимо жилых домов совхоз строил и содержал общежитие, детский сад и котельную, которая, как минимум до конца 1970-х гг., одна отапливала весь поселок; школе совхоз оказывал шефскую помощь. К совхозным производственным мастерским относились звероферма, кормокухня, скорняжный цех, лесопилка, ремонтная мастерская, столярная мастерская, коровник, конюшня, причал, гараж, склады и т.д. То есть, строительная деятельность совхоза формировала структуру поселка в зданиях различного назначения.

Формирование поселковой инфраструктуры было одной из двух составляющих градообразующей функции совхозов. Второй ее составляющей следует считать роль совхоза как единственного в поселке предприятия-работодателя. Поселок, в котором нет такого предприятия, яв-

ляется, как правило, депрессивным, так как не имеет перспектив развития. Другие поселковые организации, принадлежащие так называемой бюджетной сфере, как то: администрация поселка, школа, больница, поликлиника, аптека, клуб, библиотека, почта, сбербанк, милиция, метеослужба и т.д., — обычно не могут обеспечить работой большинство трудоспособного населения. Рабочие места в них предоставляются преимущественно женщинам по традиционному «женским» специальностям (нянечка, воспитатель, библиотекарь, учитель, уборщица и пр.), а мужчины с традиционными «мужскими» рабочими специальностями остаются невостребованными. При условии закрытия единственного производственного предприятия население ждет безработица, безденежье и множество социальных проблем. В случае закрытия северного совхоза без работы окажется все национальное население поселка, имеющее в качестве главных профессиональных занятий рыболовство, охоту и оленеводство.

Зависимость трудовой занятости населения поселков от селькупских совхозов подтверждается с помощью сопоставления статистических данных, содержащихся в отчете Красноселькупского сельсовета за 1978 г. (единственном архивном отчете этого сельсовета, которым располагает автор) и отчете совхоза «Полярный» того же года. На 1 декабря 1978 г. в с. Красноселькуп постоянно проживало 1439 чел., из них к коренным малочисленным народам Севера относился 481 чел. (селькупов 440, ненцев 12, ханты 6, коми 15, кето 5, манси 2, эвенков 1). В совхозе «Полярный» в том же году числилось 87 хозяйств, принадлежащих представителям коренных малочисленных народов Севера, что составляло около 300 чел., из них трудоспособными было около 150 чел. В оленеводстве работало 36 чел., в звероводстве — 12–13 чел. и 107 чел. числились рыбаками-охотниками (табл. 1). То есть из 481 представителя коренных малочисленных народов Севера жизнь 300 чел. в 1978 г. была напрямую связана с совхозом. Если учесть отраженную в архивных документах текучку работников: в совхозе постоянно кого-то увольняли за «пьянку» и прогулы и через год-два принимали снова, и эти кто-то, как правило, были из числа коренных северян, то можно сказать, что практически все поселковые селькупы были «завязаны» на совхоз.

Приведенный численный состав работников совхоза касается только представителей коренных малочисленных народов Севера. Работающие в совхозе управленцы, строители, механизаторы, работники речного флота, радисты и т.д. обыкновенно были некоренных национальностей — это еще около 50 трудоустроенных в совхоз жителей поселка. То есть закрытие совхоза грозило оставить без средств к существованию около 500 чел., что, в свою очередь, сказало бы на деятельности бюджетных организаций и на остальных жителях поселка, работающих в этих организациях, а также их семьях и безработных гражданах (всего около 900 чел.). С полка сельских магазинов исчезла бы выпускаемая совхозом продукция, что могло бы вызвать перебои с продовольствием.

Как совхоз «Полярный» справлялся с ролью главного селькупского работодателя, видно из показателей его работы, сведенных автором в общую таблицу (табл. 2). В советский период основными направлениями деятельности совхоза были крупностадное оленеводство (с максимальной численностью оленьего стада в 6050 голов), звероводство, рыболовство и охота, подсобными — молочное животноводство, полеводство, скорняжное производство. Совхоз относился к государственным дотационным предприятиям, то есть при условии выполнения планов получал помощь государства в виде дотаций. Таким способом государство оказывало социальную поддержку народам Севера и развивало северную экономику.

До экономического кризиса 1990-х гг. показатели работы совхоза «Полярный» были стабильно высокие. Средства производства совхоза постоянно обновлялись и модернизировались. Заметные «провалы» в показателях некоторых лет в пояснительных записках к отчетам списываются на природные катаклизмы — долгую большую воду, ранние сильные морозы и т.д., которые нет причин подвергать сомнению, ибо климат в Красноселькупском районе действительно суровый. Любое падение показателей на следующий год восстанавливалось. В документах честно говорится о другой частой причине экономических неудач — пьянстве и связанном с ним безответственном поведении части работников. Изучение архивных документов — приказов, протоколов собраний трудового коллектива, профкома и месткома — позволяет утверждать, что нарушители трудовой дисциплины всегда строго наказывались: штрафовались, лишались премий и зарплат, увольнялись, при этом никто из работников не роптал, все были удовлетворены установленным порядком, всех устраивал конечный результат общего труда, и, главное, вознаграждение за труд воспринималось как достойное. Информанты автора, работавшие в

совхозах в 1970–1980-е гг., вспоминают этот отрезок своей биографии с большой ностальгией, а советские совхозы ставят в пример предприятиям, пришедшим им на смену. То есть можно считать, что с ролью работодателей совхозы благополучно справлялись.

Таблица 2

Основные показатели хозяйственной деятельности совхоза «Полярный»

Table 2

The main indicators of economic development of the state farm «Polyarny»

	Олени, голов	Клеточная пушнина (забито), гол.	Рыба, ц	Полевая пушнина, шкурки	КРС	Растениеводство
1974	5000–5057	1748	980	Белка — 374, горностай — 126, ондатра — 182, песец б. — 23, соболь — 15		
1975	4671	1556	1600	Б. — 138, г. — 38, о. — 6, п.б. — 47, с. — 27		
1976	4612	1425	2195	Б. — 478, г. — 169, о. — 434., п.б. — 34, с. — 30		
1977	5003	1468	2400	Б., г., о., п.б., с.	36	
1978	4570	1324	1165	Б., г., о., п.б., с.	36	
1979	4889	1598	1800	Б., г. — 37, о., с. — 5	66	
1980	5210	872	1300	Б., г., о., п.б., с.		
1981	5400	1701	2201	Б. — 450, г. — 75, о. — 54, с. — 24.		
1982	5954	1825	2200	Б. — 406, г. — 257, о. — 303, с. — 55	66 КРС, 9 лошадей	
1983	6000	1790	1450	Б. — 529, г. — 280, о. — 7, с. — 93	66 КРС, 9 лошадей	
1984	6015	1943	1700	Б. — 528, г. — 280, о. — 7, с. — 93	66 КРС, 9 лошадей	
1985	6000	1960	910	Б. — 479, г. — 100, о. — 126, с. — 85		
1986	6001	2065	1411	Б. — 150, г. — 42, о. — 126, с. — 15		Огур. 1295 кг; гор. овсян. смесь 80 ц; сено 3500 ц; овощи 1097 кг
1987	6004	1581	1494	Б. — 779, г. — 36, о. — 394, п.б. — 12, с. — 173		
1988	6050	2707	1685	Б. — 996, г. — 17, о. — 314, с. — 124		
1989	6002	1941	1177	Б. — 736, г. — 118, о. — 76, п.б. — 12, с. — 110		
1990	5855	2083	915	Б. — 291, г. — 116, о. — 34, п.б. — 36, с. — 57		
1991	5554	2120	1064	Б. — 2729, г. — 75, о. — 931, п.б. — 36, с. — 114		
1992	4402	1018	1320	Б. — 1315, г. — 48, о. — 584, с. — 106		
1993	2856	1447	1540	Б. — 13, г. — 27, о. — 211, п.б. — 43, с. — 67		
1994	2483	1593	1249	Б. — 385, г. — 27, п.б. — 469, с. — 100		
1995			1569			
1996	1290		1226	О. — 27, п.б. — 12, с. — 38	10 КРС, 2 лошади	
1997						
1998						
1999						

Исследование включает период работы совхоза «Полярный» до его закрытия в 2000 г. Рассмотреть период после 1991 г., когда в стране сменился государственный строй и установился новый экономический порядок, автор решила, потому что система работы совхоза и его активы все это время оставались прежними, советскими, совхоз в основе своей не менялся. Несмотря на потерю дотационной государственной поддержки, предприятие смогло проработать еще почти 10 лет, сдавая позиции постепенно. Не сломал принципы работы «Полярного» и его переход в 1994 г. в руки другого собственника, отразившийся в его новом названии — ААО Запсибгазпром «Совхоз Полярный». Новому собственнику оказалось не по силам спасти предприятие от развала. Численность оленьего стада «Полярного», указанная в его последнем отчете (1996 г.), составляла 1290 голов, в 2000 г. стада уже не было. Такой же путь прошел после 1991 г. совхоз «Толькинский», он закрылся в 2004 г.

Агония и закрытие совхозов имели очень тяжелые последствия для селькупов. Чтобы представить, насколько страшным был кризис, достаточно сказать, что средняя продолжительность жизни селькупов к началу 2000-х гг. сократилась до 34 лет [Жвирко, 2007, с. 9]. Оставшись без работы, кочевые селькупы осели в поселках, они массово спивались и деградировали, а некоторые поселковые жители, наоборот, вернулись в лес, чтобы жить натуральным хозяйством. Социальный кризис, совмещенный с упадком и закрытием совхозов, указывает на тесную зависимость населения поселка от совхоза. Наличие у селькупских совхозов градообразующей функции было подтверждено путем печального опыта.

В изучении градообразующей роли селькупских совхозов есть одно осложняющее обстоятельство. В 1978 г. в с. Красноселькуп пришла и надолго осталась Нефтегазоразведочная экспедиция (НГРЭ). Она резко увеличила численность населения поселка за счет приезжих, в 1989 г. в селе проживало уже более 6000 чел. Экспедиция была мощным производственным предприятием-работодателем и строила в поселке для своих работников жилье и объекты инфраструктуры. В поселке за несколько лет было построено в разы больше всего того, что построил совхоз за

несколько десятилетий. Одновременно с экспедицией, для ее нужд, в Красноселькупе появились строительное управление, АТП, РЭБ флота, леспромхоз и т.д.

Казалось бы, с приходом экспедиции роль градообразующего предприятия совхоз должен был утратить навсегда. Но этого не произошло ни тогда, ни позже. Совхоз остался градообразующим предприятием для селькупского населения поселка. Селькупы в экспедиции не работали (не подходили для этого ментально и профессионально), инфраструктурой поселка, созданной экспедицией, не пользовались, жилье экспедиция строила не для селькупов. Среди нынешних ветеранов экспедиции селькупов нет. Селькупы работали в совхозе и жили в совхозном микрорайоне — такой образовался в поселке, окруженный домами, построенными экспедицией. Когда автор приехала в Красноселькуп в 2004 г., в селе было две школы, в одной — школе-интернате — учились дети коренных национальностей, в другой — дети приезжих. В 2006 г. обе школы были упразднены в связи с открытием новой большой школы, где объединили всех детей.

Совхозный микрорайон в п. Красноселькуп существует до сих пор, а также работает предприятие, называемое «совхозом». Ликвидированный в 2000 г. совхоз «Полярный» в 2003 г. был воссоздан в виде МУП «Совхоз Полярный», в 2007 г. его трансформировали в ООО Агрофирму «Приполярную», она получила от государства крепкую материально-техническую базу и разного рода дотации и на сегодня по-прежнему остается селькупским работодателем. Значение «совхоза» как градообразующего предприятия сохранилось, но ослабло, поскольку в нем работает совсем немного селькупов: более чем из 700 поселковых представителей коренных малочисленных народов Севера трудоустроены в совхозе 30–40 чел. Остальные адаптировались к условиям жизни в современном поселке, получили «городские» специальности и работают в других местах или остаются безработными, существуя на социальные пособия (часто не свои, а своих родственников). Границы между двумя частями поселка до сих пор видны и в географическом, и в социальном плане. Поселок Толька также не миновал изменений в связи с деятельностью Нефтегазоразведочной экспедиции, здесь после нее остался микрорайон, называемый «Мангазеей».

Итак, проведенное исследование подтвердило, что совхозы, основанные на традиционных хозяйственных отраслях, для селькупских поселков играли роль градообразующих предприятий и служили гарантами селькупского экономического и социального благополучия. Зависимость жителей поселков (или селькупской части жителей поселков) от совхозов выражалась в возможности трудоустройства в традиционной хозяйственной сфере, а также в пользовании создававшейся совхозами поселковой инфраструктурой. Градообразующая функция северных сельхозпредприятий была результатом государственной политики поддержки коренных малочисленных народов Севера, она зародилась еще в колхозное время и достигла максимального развития в совхозный период. Социалистическую модернизацию экономической культуры принято рассматривать как беспрецедентный распад, разрушение и поломку устойчивой повседневной среды, связывать ее с сильной турбулентностью. Благодаря градообразующей функции селькупских совхозов и равно их социальной направленности у селькупов процесс социалистических изменений протекал мягко, в целом безболезненно, улучшал качество жизни и связывался с пониманием его нормальности и отсутствием практик избегания и ухода в сферу неформальной экономики.

Сильную турбулентность селькупские совхозы вместе с вверенными им жителями поселков стали испытывать с началом государственного кризиса, в 1991 г. Десятилетие 1990-х гг. закончилось для совхозов распадом, а для селькупов социальной трагедией. Кризис сделал градообразующую роль селькупских совхозов особенно заметной и подчеркнул ее значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Звероолениводческий совхоз «Полярный» агропромышленного объединения «Ямал» // Архивный отдел Администрации муниципального образования Красноселькупский район. Ф. 15 (352 ед. хр.).

Звероолениводческий совхоз «Толькинский» агропромышленного объединения «Ямал» // Архивный отдел Администрации муниципального образования Красноселькупский район. Ф. 9 (641 ед. хр.).

Исторические данные развития Красноселькупского района периода 1951–1960 годов // Архивный отдел Администрации муниципального образования Красноселькупский район. Ф. 17. Оп. 1. Д. 16 (14 л.).

Исполком Красноселькупского сельского совета народных депутатов. Статотчет сельского совета (о всеобщем, возрастном составе населения, наличии скота) за 1978 г. // Архивный отдел Администрации муниципального образования Красноселькупский район. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115 (85 л.).

Объединение «Уренгойнефтегазгеология». Объяснительная записка к производственно-экономическому отчету Красноселькупской нефтегазоразведочной экспедиции за 1979 г. // Красноселькупский краеведческий музей. Б/н фонд (168 л.).

Литература

Адаев В.Н. О роли традиционного мировоззрения народов Севера в качестве регулятора режима природопользования // Этнос и среда обитания. М.: Старый сад, 2017. Вып. 5: Исследования систем жизнеобеспечения. С. 137–148.

Адаев В.Н., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО: Исследования по антропологии права. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 220 с.

Алексеев Е.А., Итс Р.Ф. О положении коренного населения Верхнего Таза (поселок Ратта) Ямало-Ненецкого округа Тюменской области, 1961 г. // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России: 1959–1962 годы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005. С. 245–257.

Гаген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом Стане // ЭО. 1992. № 4. С. 91–110.

Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.

Головнёв А.В., Тучкова Н.А. Селькупы. Хозяйство // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. С. 317–328.

Жвирко А. Переломный этап позади // Северный край. 2007. № 32. С. 9.

Мартынова Е.П. Обско-угорская этническая мобилизация // Вестник урovedения. 2019. Т. 9. № 2. С. 363–372.

Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. С. 665–686.

Решетов А.М. Поездка к селькупам летом 1962 г. // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 195–207.

Степанова О.Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Шестых Сибирских Чтений. Санкт-Петербург, 27–29 окт. 2004 г. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 167–173.

Степанова О.Б. Стойбище верхнетазовских селькупов (по материалам современных полевых исследований) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Вып. 9. С. 23–42.

Степанова О.Б. Село Толька и не только // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2016. Вып. 16. С. 46–66.

Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 349–444.

Степанова О.Б. Красные селькупы: Революционные преобразования среди населения Таза и Турухана // УИВ. 2018а. № 1 (58). С. 91–100.

Степанова О.Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник урovedения. 2018b. Т. 8. № 2. С. 365–374.

Marcus G.E. Contemporary Problems of Ethnography in the Modern World System // Writing culture. The poetics and politics of ethnography. University of California Press, Ltd. London, England. 1986. P. 165–262.

Rabinow P., Marcus G.E., Faubion J.D., Rees T. Designs for an anthropology of the contemporary. Duke University Press. Durham, London. 2008. 140 p.

O.B. Stepanova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: stepanova67@mail.ru

North Selkup state farms as a state social policy instrument

The city-forming role of the North Selkup state farms, as also the farms themselves, has not yet been the subject of a special research; the author had to «develop the virgin soil» exploring this topic. The study is based on materials from the Krasnoselkup Municipal Archive. Carried out was the analysis of the records for the Pol'yarny state farm for 1974–2000, the Tolkinskiy state farm for 1970–2004, the report of the Krasnoselkup Village Council for 1978, and the summary report on the performance of five local collective farms for the period of 1951–1961. Some information was gathered from the report of the Krasnoselkup oil and gas exploration expedition in 1979 stored in the Krasnoselkup Museum of Local Lore. Materials from conversations with the Krasnoselkup District residents from the author's field archive were also used. This study confirms that the state farms, built on traditional economic activities, played the role of town-forming enterprises for the Selkup villages and served as guarantors of the Selkup economic and social well-being. The dependence of the inhabitants of the villages (or the Selkup part of the villages' population) on the state farms was expressed in the opportunity of employment in the traditional economic sector, as well as in the use of the village infrastructure created by the state farms. The

city-forming function of the northern agricultural enterprises was the result of the state policy of supporting the indigenous peoples of the North; it originated during the collective farm time and reached its maximum development during the state farm period. Socialist modernization is generally considered to be an unprecedented disintegration, destruction and breakage of a stable economic culture, and associated with the strong turbulence of the everyday environment. Owing to the city-forming function of the Selkup state farms, as well as their social orientation, the process of socialist changes among the Selkups proceeded gently, overall painlessly, improving the quality of life and being associated with an understanding of its normality and the absence of practices for avoiding and leaving for the informal economy. Selkup state farms, together with the villagers entrusted to them, began to experience strong turbulence with the onset of the state crisis in 1991. The 1990s decade ended with collapse of the state farms, and with the social tragedy for the Selkup population.

Key words: North Selkups, traditional economic activity, state farms, villages, the social role of state farms, social policy of the state, economic crisis.

REFERENCES

Adaev V.N. (2017). On the role of the traditional worldview of the peoples of the North as a regulator of the nature management regime. In: *Etnos i sreda obitaniya. Vyp. 5: Issledovaniya sistem zhizneobespecheniya* (pp. 137–148). Moscow: Staryy sad. (Rus.).

Adaev V.N., Martynova Ye.P., Novikova N.I. (2019). *Quality of Life in the Context of Ethnological Expertise in the Russian Arctic: Tazovsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: Research on the Anthropology of Law*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (Rus.).

Alekseenko Ye.A., Its R.F. (2005). On the situation of the indigenous population of the Upper Taz (Ratta village) of the Yamalo-Nenets District of the Tyumen Region, 1961. In: *Etnologicheskaya ekspertiza. Narody Severa Rossii: 1959–1962 gody* (pp. 245–257). Moscow: IEA RAN. (Rus.).

Golovnev A.V. (1993). *The historical typology of the economy of the peoples of North-West Siberia*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. (Rus.).

Golovnev A.V., Tuchkova N.A. (2005). Selkups. Economy. In: *Narody Zapadnoi Sibiri* (pp. 317–328). Moscow: Nauka. (Rus.).

Hagen-Thorn N.I. (1992). Prokofiev in Yanov Stan. *Etnograficheskoye obozreniye*, (4), 91–110. (Rus.).

Marcus G.E. (1986). Contemporary Problems of Ethnography in the Modern World System. In: *Writing culture. The poetics and politics of ethnography* (pp. 165–262). University of California Press, Ltd. London.

Martynova Ye.P. (2019). Ob-Ugric ethnic mobilization. *Vestnik ugrovedeniya*, (2), 363–372. (Rus.).

Prokofieva Ye.D. (1956). Selkups. In: *Narody Sibiri* (pp. 665–686). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Rus.).

Rabinow P., Marcus G.E., Faubion J.D., Rees T. (2008). *Designs for an anthropology of the contemporary*. Duke University Press. Durham, London.

Reshetov A.M. (1995). A trip to the Selkup in the summer of 1962. In: «*Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit'...*» (pp.195–207). Barnaul: Izdatel'stvo AltGU. (Rus.).

Stepanova O.B. (2005). Features of the modern economic and cultural situation of the indigenous peoples of the North of the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. In: *Kul'turnoye naslediyе narodov Sibiri i Severa: Materialy Shestykh Sibirskikh Chteniy. Sankt-Peterburg, 27–29 oktyabrya 2004 g.* (pp. 167–173). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Stepanova O.B. (2009). The camp of the Upper Taz Selkups (based on materials from modern field studies). In: *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN. Vyp. 9* (pp. 23–42). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Stepanova O.B. (2016). The village of Tol'ka and not only. In: *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN. Vyp. 16* (pp. 46–66). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Stepanova O.B. (2017). Social policy of the state in relation to indigenous small-numbered peoples of the North at the beginning of the XXI century (on the example of the northern Selkup). In: *Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri* (pp. 349–444). St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).

Stepanova O.B. (2018a). Red Selkups: revolutionary changes among the population of Taz and Turukhan. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (1), 91–100. (Rus.).

Stepanova O.B. (2018b). Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District. *Vestnik ugrovedeniya*, (2), 365–374. (Rus.).

Zhvirko A. (2007). The turning point behind. *Severnyy kray*, (32). (Rus.).

O.B. Степанова, <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 02.03.2020

Article is published: 05.06.2020